

ТИПОЛОГИЯ ПИСЬМЕННЫХ ТЕКСТОВ АНГЛОЯЗЫЧНОГО МЕЖКУЛЬТУРНОГО ОБЩЕНИЯ

Н. Г. Юзефович

Дальневосточный государственный гуманитарный университет

Поступила в редакцию 20 июля 2011 г.

Аннотация: в статье предпринимается попытка представить типологию письменного текста как единицу монологичного межкультурного общения, основная функция которого описание лингвокультуры (иноязычной – родным языком или родной – вторым/ иностранным языком). Стратегии создания текста и передачи лингвокультурного субстрата определяются интенцией и уровнем билингвизма автора, целевой аудиторией и сферой функционирования.

Ключевые слова: межкультурное общение, текст, активный сбалансированный билингвизм, инолингвокультурный субстрат, «внутренний перевод».

Abstract: the paper deals with the issue of text typology. The text is viewed as a unit of monolingual inter-cultural communication the purpose of which is a foreign culture description. Thus its specific features depend on its author (level of bilingualism), target reader and register.

Key words: inter-cultural communication, text, balanced bilingualism, «inner translation», foreign-culture substrate.

«Внутренний перевод» в монологичном межкультурном общении

Задача настоящего исследования – анализ особенностей письменного текста как единицы межкультурного общения и его классификация. Важнейшей задачей произведения, ориентированного на сохранение национальной специфики описываемой лингвокультуры, является передача ее значимых элементов (лингвокультурного субстрата).

Успешность межкультурного общения определяется взаимопониманием «участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам» [1, с. 26]. Для этого необходимо «свободно и тонко понимать самые трудные тексты [...] художественные, газетные» и пр. [2, с. 35], т.е. «не просто [...] декодировать текст, но и оперативно подключать знания и представления о мире инофонной речевой общности» [3, с. 58].

Считается, что межкультурная коммуникация требует интерязыкового перевода: переводчик создает иноязыковое подобие оригинала (текст перевода). Однако возможно общение без переводчика на языке одного из собеседников, или на языке-посреднике, неродном для каждого участника, если они – билингвы, характеризующиеся активным сбалансированным билингвизмом и владеющие «навыками порождения текстов на втором языке» [4, с. 21].

В таком случае билингвизм способствует формированию навыков «внутреннего перевода» [5, 6].

Мыслительный процесс протекает во «внутренней речи» и осуществляется на языке общения (родном/ втором/иностранном), при этом осмысление лингвокультурного субстрата описываемой культуры «запускает» механизм кодового переключения, для передачи которого автор автоматически использует переводческие трансформации. Таким образом, вербализуется непосредственно текст оригинала, *включающий элементы внутреннего перевода*.

Текст монологичного общения более естествен, чем переводной, что подтверждается исследованиями переводов и непереводаемых текстов на языке принимающей культуры: рецепторы переводов «в большинстве случаев различают оригинальные тексты на языке принимающей культуры и тексты переводов» [7, с. 29]. Переводам более свойственна нейтральность при передаче национально окрашенных выражений, и не в полной мере сохраняется образность.

Создавая текст оригинала с элементами «внутреннего перевода», билингв мыслит на языке оригинала, соответственно оформляя свою речь, выбирая средства, соответствующие данной лингвокультуре, в то время как переводчик «контролируется» структурой, содержанием, языковыми средствами и форматом исходного текста. Если не сформирован навык мышления на родном /втором языке с внутренним кодовым переключением и языковыми операциями по семантизации номинаций инолингвокультуры, то «внутренний перевод» невозможен. Это можно наблюдать в ситуациях, когда человек обдумывает высказывание на одном языке и пытается передать его

на другом. В этом случае все мыслительные процессы и соответственно лексика, синтаксис, связность текста определяются «языком» мышления. При попытке воссоздать его на другом языке возникает сложность в подборе однозначных лексических и синтаксических соответствий. Например, на занятии студенты, говоря по-английски, автоматически вставляют русские слова, т.е. они не просто мыслят на родном языке, но и «проговаривают» мысленно фразу по-русски, которую потом пытаются пословно перевести, что отражается на качестве и темпе речи.

Для участия в международных конференциях требуются тезисы на русском и английском языках. Специалисты, владеющие английским языком на профессиональном уровне (по крайней мере, в своей сфере), не переводят свои тезисы с русского на английский, а *пишут* их по-английски. При этом мыслительные процессы ориентированы на английский язык и англоязычного читателя с иной картиной мира и тезаурусом, т.е. используются соответствующие структуры, объясняется специфика терминологии.

Именно благодаря сбалансированному билингвизму, активному использованию двух языков и бикультурной идентичности автор осмысливает картины мира двух языков, обрабатывает информацию и формирует интерлингвокультурную картину мира, позволяющую предвидеть коммуникативный сбой и предотвратить его языковыми средствами и переводческими трансформациями. При этом формируется навык «внутреннего перевода», что подтверждается исследованием письменных текстов, написанных билингвами. Письменная речь – одна из форм вербализации мышления, которой, по мнению психолингвистов, предшествует внутренняя речь: «Письменная стоит после внутренней, предполагая уже ее наличие» [8, с. 228], она более структурирована и менее подвержена вариативности, чем устная речь, что позволяет выделить ее закономерности.

Понятие «текст» в моноязычном межкультурном общении

Текст соотносится с дискурсом, поскольку «создается с целью стать не только фактом «для себя», но и фактом «для других», элементом [...] «состояния взаимодействия», которым «является и дискурс» [9, с. 32]. Интертекстуальность обусловлена элементами других текстов, стилей и жанров. Система «определенных кодов культуры, в которую «погружен» текст (т.е. культурный контекст текста), [...] влияет как на создание текстов, так и на их интерпретацию» [10, с. 187]. Текст определяется функциональным стилем: зависит от условий, форм и целей общения и отражает «типичные отношения между коммуникантами» [11, с. 42]. Стилию соответствуют свои жанры: «ком-

позиционные и стилистические единства, определяемые функцией (художественные, научные, бытовые), условиями [...] и конкретной ситуацией речевого общения» [12, с. 260].

В теории перевода получила распространение классификация К. Райс, которая выделяет типы текстов по доминирующей языковой функции, ориентированные на: 1) содержание; 2) форму; 3) обращение и 4) аудио-медиаальные [13, с. 202–228]. Культурную специфику текста анализирует У. Фикс, отмечая его внутрикультурную обусловленность [14]. В. С. Виноградов выделяет функционально-стилевые типы: художественный, разговорный, официально-деловой, общественно-информативный, научный и религиозный [15].

И. С. Алексеева анализирует тексты по *виду информации*: когнитивная (ведущая), оперативная, эмоциональная, эстетическая [16, с. 50–59], фактически «привязывая» когнитивную информацию к стилям (научный, философский и пр.) [16, с. 69–73].

Тексты межкультурного общения обладают общим «содержательным» компонентом: информацией об инолингвокультуре. Контакт лингвокультур «высвечивает» лингвокультурный субстрат (знаковые в рамках своей культуры ассоциации), который вербализуется идионимом (номинация специфического элемента родной культуры) [17]. Национальная идентификация инолингвокультуры проявляется на лексическом уровне в *инолингвокультурном субстрате* (термин В. В. Кабакчи; далее – ИЛКС), который актуализируется ксенонимом (обозначение специфического элемента инолингвокультуры) [17, 18].

В межкультурном общении, ориентированном на описание национальной культуры, представлены практически все жанры, за исключением тех, чья прагматическая направленность требует локализации текста (например, контракт).

Выбору лексических средств отводится ключевая роль в общении: «В процессе понимания текста особую роль играет с л о в о: каким бы ни был психологический статус слова в восприятии и понимании», на некотором этапе необходимо изолировать слово и искать его значение [19, с. 419].

Текст, созданный с элементами «внутреннего перевода», характеризуется рядом параметров, сходных с традиционным переводом: 1) приемы экспликации значения; 2) переводческие трансформации; 3) передача особенностей синтаксиса; 4) адаптация или форенизация имен собственных; 5) ориентация на читателя (языковая картина мира, экстралингвистическая ситуация); 6) ориентация на адресата в научном дискурсе (научная картина мира); 7) ориентация на идеологию (в основном, в публицистике и периодике).

Таким образом, сбалансированный билингвизм означает способность мыслить на втором/иностран-

ном языке или на родном языке с учетом преломления лингвокультуры через «чужой» язык. Основная специфика моноязычного межкультурного общения – процесс создания текста: автор является, по сути, и переводчиком, создавая текст, ориентированный на описание инолингвокультуры (*ино* – относительно языка текста), что проявляется на семантическом и лексическом уровне, в некоторой степени на синтаксическом (в зависимости от типа текста), и стратегии создания текста.

Материал исследования

Исследование эмпирического материала ведется автором на протяжении более 20 лет. Первоначально изучались способы передачи лингвокультурного субстрата российской лингвокультуры в английском языке. Корпус текстов – более 70 книг, изданных в 1980–2000 гг. – аутентичные работы по истории, политике, путевые заметки и пр., авторы которых носители английского языка.

Был сделан вывод о том, что заимствованные и калькированные русизмы и советизмы нередко характеризуются семантическим варьированием, в большей степени коннотативным. Одна из основных причин – полярные идеологические концепции, характерные для сферы политики в советский и постсоветский периоды. Номинативной и семантической точности способствует ксенонимический комплекс (транслитерация/транскрипция этимона-прототипа и семантизация описательным оборотом, дефиницией и т.п.) [16, 20].

Следующий этап заключался в анализе того, как журналисты, поддерживающие идеологические воззрения СССР (М. Dawidow), и советские авторы вербализовали лингвокультурный субстрат российской культуры в английском языке (англоязычная информационная литература о России и СССР *Moscow News*, АПН, ориентированная на англоязычного читателя).

Сопоставительный анализ позволил сделать следующие выводы. Во-первых, использование транслитерации/транскрипции и дополнительных средств семантизации наиболее частотно в аутентичных англоязычных текстах. Во-вторых, англоязычные авторы, владеющие русским языком, выделяют в лингвокультурный субстрат в том числе и в таких единицах, которые традиционно переводятся отечественными авторами. Cf.: *vranyo*, i.e. “white lie” vs *lie*, *kulturny* vs *cultured* – т.е. культурная специфичность слов «вранье» и «культурный» отечественными авторами не осознается, что приводит к коммуникативному сбою в контексте англоязычной картины мира.

Следующий этап логично требовал обратиться к исследованию билингвизма и формированию языковой картины мира. Исследованный ранее материал и

новые издания были проанализированы «от автора». Именно владеющие русским языком англоязычные авторы выделяют лингвосубстрат русскоязычной лингвокультуры в разных сферах, в том числе и абстрактные понятия, ценности, используя при этом разнообразные способы экспликации значения, что возможно при сформированной интерлингвокультурной картине мира и навыке «внутреннего перевода» (как было рассмотрено выше).

В работах, написанных англоязычными авторами, которые не владеют русским языком или имеют базовые знания, главным образом используются традиционные культурно-специфичные номинации, которые частотны в СМИ, и практически нет узуальных авторских ксенонимов.

Обращение к исследованию научных публикаций обусловлено тем, что на международных конференциях нередко возникают коммуникативные сбои при использовании ряда терминов в традиционном отечественном понимании. Корпус научной литературы включает 10 книг англоязычных авторов, более 30 научных работ, написанных по-английски отечественными лингвистами, 20 англоязычных сборников материалов конференций, изданных в России и около 20 зарубежных изданий на английском языке.

Для более полного исследования передачи ИЛКС рассмотрена художественная литература англоязычных авторов («шпионские романы» и пр.) и переводная художественная литература (романы Л. Н. Толстого, И. С. Тургенева, А. И. Солженицына). Было отмечено, что в отличие от литературы информационного характера, в художественном произведении главное – не номинативная точность, а передача духа инолингвокультуры, «национального колорита», сохранение эстетики текста при адаптации к принимающей лингвокультуре.

Сопоставление проанализированных произведений привело к выводу о том, что передача инолингвокультурной специфики (выбор способа номинации и экспликации значения) варьируется в зависимости от общей стратегии создания текста и целевой аудитории, уровня билингвизма автора, его картины мира. Таким образом, подход к представленной далее классификации текстов формировался постепенно при изучении большого массива произведений.

Классификация текста «от автора и целевой аудитории»

I Автор-билингв (сбалансированный билингвизм), обладающий навыками мышления на обоих языках и перекодирования элементов инолингвокультуры средствами принимающего языка. Целевая аудитория – англоязычная, т.е. ИЛКС рассматривается через призму английского языка и языковую картину мира автора, что предопределяет использование ряда

моделей для актуализации ИЛКС. Анализировались тексты практически всех жанров.

1. *Родной язык* → *инолингвокультура*. Англоязычный автор создает произведение на родном языке, обращаясь в область инолингвокультуры. Исследовано более 50 англоязычных произведений о России, авторы которых владеют русским языком, неоднократно бывали в России, общались с русскоязычными людьми. Некоторые были на стажировках, работали в архивах.

Поскольку авторы обладают сформированной интерлингвокультурной картиной мира, владеют навыками кодового переключения и актуализации ИЛКС средствами другого кода, как правило, ИЛКС передается достаточно полно. В книгах, предназначенных для массового читателя, автор транслитерирует/транскрибирует наиболее культурно-значимые, по его мнению, русизмы, используя разнообразные переводческие трансформации для экспликации значения, большинство ксенонимов описано в глоссариях в конце книг.

В исторической прозе О. Фигеса (O. Figes) *Natasha's Dance. A Cultural History of Russia* слово *русскость* («Russianness») раскрывается не только калькированием (выделенным кавычками), но и другими ксенонимами, раскрывающими данное понятие. «Russianness» включает ритуалы (*pliaska* и *khorovod*):

It became the fashion to perform the *pliaska* after 1812. [...] Elena Golitsyn danced her first *pliaska* several decades later at a ball in Novgorod. 'Nobody had taught me how to dance the *pliaska*. It was simply that I was a «Russian girl» [21, p. 106]. Collective rituals like the *khorovod* were total works of art [21, p. 272].

«Russianness» связана с христианской духовностью: ... the procession of the Cross in the Russian Church moved in clockwise circles with the sun [...]. This was in imitation of the pagan circle dance (*khorovod*) which moved in the direction of the sun to summon up its magic influence [22, p. 321].

«Russianness» проявляется и в национальной одежде: At balls and receptions in St Petersburg, and from the 1830s at the court as well, society ladies began to appear in national costume, complete with the *sarafan* tunic and *kokoshnik* head-dress of old Muscovy [22, p. 108].

Благодаря неоднократному использованию в разных контекстах ксенонимы *khorovod*, *pliaska*, *sarafan* и т.д. приобретают значимость как компоненты «русскости».

В энциклопедических изданиях, научных работах, предназначенных для специалистов, приоритет отдается номинативной точности при соответствующей экспликации значения. Д. Е. Бартлей (D. E. Bart-

ley), описывая систему советского образования, использует не только транслитерацию/ транскрибирование русизмов, но и трансплантацию, что гарантирует максимальную номинативную точность; семантическая точность достигается калькой, описанием: «Socially productive practice» is literally translated from the Russian expression (общественно-производственная практика). What is actually meant by this is the practical development of socially useful skills and talents emphasizing the interests of society and civic responsibility [22, p. 17].

Интерлингвокультурная картина мира авторабиллинга позволяет ей предвидеть возможную двусмысленность кальки *special school*, которая без пояснения может быть понята как «школа для детей с ограниченными возможностями»:

The general secondary polytechnical school specializing in a foreign language, or special school (*spets shkola*) [22, p. 1].

Эффективности межкультурного общения способствует использование сложившейся в англоязычном общении практики описания инолингвокультуры: введение ксенонимического комплекса, позволяющего обеспечить номинативную и семантическую точность культурно-специфических элементов. Ксеноним (транслитерация/транскрипция) используется в тексте в функции номинации и при этом, как правило, выделяется графически.

2. *Второй язык* → *родная лингвокультура*. Проанализировано около 20 работ (художественные произведения, научные работы) и более 200 культурологических очерков, статей в СМИ. Авторы создают тексты на втором языке, обращая его в область описания родной лингвокультуры, ориентируясь при этом на англоязычную аудиторию. Термин «второй язык» в данном случае используется условно, это может быть и третий язык или иностранный. Формально второй язык фактически может стать и первым.

«Второязычные» авторы, описывая родную культуру через призму другой, нередко калькируют прецедентные фразы, передают «дух» времени описанием типичных ситуаций. Например, произведения А. Ранд (A. Rand) посвящены влиянию коллективизма, советской идеологии [23]. В следующем фрагменте мы узнаем один из постулатов того времени «Коллектив всегда прав»:

One day her class declared a boycott against a little girl [...], at luncheon, the little table [...] by two students Kira and the freckled girl. [...] the indignant class leader approached them. [...] «Do you know what this girl here has done?» «I haven't the slightest idea». «Then why are you doing this for her?» «You're mistaken. I am not doing this *for* her. I am doing it *against* twenty-eight other girls» [23, p. 48].

В данной группе представлены все указанные выше жанры, как правило, сохраняющие ИЛКС, так как автор – интерлингвокультурная личность – предвидит возможные лакуны понимания лингвокультурного субстрата родной культуры иноязычным читателем и предотвращает коммуникативный сбой, используя соответствующие языковые средства и переводческие трансформации.

3. *Второй язык* → *инолингвокультура*. Сохранение ИЛКС инолингвокультуры зависит также от степени освоения данной культуры, понимания ее ценностей. Механизм представления ИЛКС соответствует типичным моделям. Например, ИЛКС в романе *The Japanese Lover* Рани Маника (Rani Manicka). Автор родилась и училась в Малайзии, пишет на английском языке и владеет механизмом передачи лингвокультурного субстрата лингвокультуры:

‘It’s a very special kimono,’ he continued gravely. ‘Its design is of autumn grasses, but it is made of the lightest silk to be worn in the summer. [...] no geisha would dream of wearing autumn grasses during the summer, this garment can only be worn by a foreigner’ [24, p. 212].

Ксеноним *kimono* – словарный, но в контексте раскрываются значимые национальные ассоциации: рисунок на ткани соответствует времени года, нарушить это правило может только иностранка. Интерлингвокультурная картина мира автора и владение механизмами сохранения ИЛКС способствуют эффективности общения.

II Автор-билингв, но билингвизм несбалансированный, в этом случае интерлингвокультурная картина мира фрагментарна; писатель не в полной мере владеет стратегией передачи ИЛКС, что обусловлено недостаточно сформированными навыками семантизации ксенонима и переключения кодов. Все это не позволяет «вскрыть» возможные лакуны; доминирует картина мира родного языка.

1. *Второй язык* → *родная лингвокультура*. В данной группе анализировались тексты научного стиля и публицистика. Целевая аудитория: а) англоязычная (научные конференции, публицистика, реклама в сфере туризма) и б) русскоязычная – образовательный процесс (учебники, лекции на английском языке, главным образом для студентов-лингвистов и переводчиков).

Преобладает интерференция картины мира родного языка, автор не в полной мере владеет механизмом сохранения ИЛКС, что приводит к семантической аберрации, коммуникативному сбою. Например, слово *hero* в значении «второстепенный герой произведения». В английском языке – это главный положительный персонаж: **Hero a.** someone who is admired for their bravery, goodness, especially someone who performs an act of great courage under very dangerous

conditions. **b.** the most important character in a play, poem, story, etc. [25, p. 622].

Сопоставление произведений авторов данной группы с научными текстами, написанными носителями английского языка, показывает, что для передачи терминологических ИЛКС нередко используются англоязычные термины в новом контексте без дополнительного пояснения, что ведет к семантической аберрации. Так, в исследованиях по концепту многие отечественные лингвисты переводят на английский язык *концепт* как *concept* («concept darkness») и пр. Однако данная единица как термин лингвистики в специализированном англоязычном словаре *The Concise Oxford Dictionary of Linguistics* не отмечена [26]. Толковый словарь объясняет слово следующим образом: **Concept** a thought, idea, or principle, notion [25, p. 263].

Эффективность коммуникации может быть достигнута при использовании дополнительных средств семантизации: идентичность формы слов *концепт* и *concept* дает ошибочное представление об идентичности семантики.

2. *Второй язык* → *инолингвокультура*. Анализировались, главным образом, публицистика и научный стиль (статьи, учебники и пр.). Целевая аудитория – а) англоязычная (научные конференции, журналистика) и б) русскоязычная – образовательный процесс (учебники для лингвистов и переводчиков).

Изучение английского языка в вузе предполагает цикл теоретических предметов на английском языке, преподаватели, как правило, отечественные специалисты, авторы учебников, главным образом, русскоязычные билингвы. Толкование ряда терминов в отечественных исследованиях отличается от дефиниций, принятых в зарубежной лингвистике.

Английский язык нередко описывается в терминах отечественной лингвистики, переведенных на английский язык, например, термин *Complex object* в английской терминологии отсутствует. Термин «публицистический стиль» традиционно калькируется *publicistic style*, при этом не употребляются никакие маркеры семантического варьирования (кавычки, уточнение «what Russian scholars call...»). Однако в английском языке *publicist* – это сфера «связи с общественностью»: **Publicist** a person whose business is to bring something, especially products for sale, to the attention of the public [25, p. 1079].

В ряде случаев семантическая аберрация обусловлена тем, что авторы не учитывают изменение семантики и статуса слова в родном языке, фактически «навязывая» лексической единице значение, которого у нее уже нет, она перешла в разряд историзмов. Например, «типичная английская традиция» *five o'clock*, как указывают некоторые отечественные авторы в своих пособиях о современной Англии. В

англоязычных аутентичных словарях этой единицы нет [25], однако представлена номинация **afternoon tea**: *BrE, AustrE* a drink of tea and sometimes a light meal taken at about four o'clock in the afternoon [25, p. 19].

Приведенные примеры говорят о том, что проявляются интерференции родного языка и преобладает картина мира первого языка, т.е. не в полной мере сформирована интерлингвокультурная картина мира. Недостаточное владение механизмом сохранения ИЛКС предопределяет коммуникативные сложности.

III Автор-монолингв, или автор, характеризующийся начальным или средним уровнем владения вторым/иностранным языком.

Модель: родной язык → инолингвокультура. Целевая аудитория – англоязычная. Авторы владеют только основами языка, в том числе узкоспециальной терминологией или вообще не знают языка описываемой лингвокультуры. ИЛКС воспринимается через картину мира родного языка и индивидуальную картину мира авторов моноязычных произведений, прессы и т.д.; для сбора информации привлекают переводную литературу, обращаются к переводчику.

Описание ИЛКС здесь «преломляется» через индивидуально-авторское восприятие авторов используемой литературы и переводчиков, т.е. посредников общения; «непосредственное погружение» в инолингвокультуру в данном случае затруднительно. Естественно, что сохранение в полной мере ИЛКС затруднительно, возможен коммуникативный сбой вследствие непонимания семантики номинации, аллюзий и пр., экстралингвистической информации; инолингвокультура трактуется через призму родного языка.

В литературе такого рода ИЛКС вербализуется для создания национального колорита: отдельные ксенонимические номинации встречаются у разных авторов. Например, «шпионские романы» С. Шелдона (S. Sheldon).

Фактически данная группа представлена всеми жанрами. Так, англоязычные студенты и специалисты, изучающие историю России, используют незарегистрированные англоязычными словарями номинации *Okhrana, voevoda* и пр. в качестве терминов. При этом они не используют дополнительные средства семантизации, ориентируясь на свою среду, общение со специалистами.

В беллетристике автор создает «чужой» мир, перенося действие в другую страну и передавая известный ему ИЛКС, но, не имея возможности самому понять «дух» другой культуры, ограничен в выборе ксенонимов.

IV Автор-монолингв. *Модель: родной язык → родная лингвокультура.* Целевая аудитория – англо-

язычная, а также иноязычная (билингвы). Анализировались тексты, предназначенные туристам, и научная сфера.

Фактически здесь можно выделить две подгруппы.

1. Авторы, владеющие механизмом передачи лингвокультурного субстрата родной культуры, при общении с инолингвокультурной аудиторией, которая знает английский язык. Например, авторы путеводителей, буклетов, справочных изданий и толковых словарей, ориентируясь на международную аудиторию, включают дополнительную информацию о коннотациях, реалиях, артефактах, непонимание которых может затруднить пребывание в англоговорящей стране или препятствовать пониманию какой-либо научной концепции (несовпадение терминологии, семантическое варьирование).

Авторы предпринимают попытку объяснить лингвокультурный субстрат родной культуры через призму другой культуры или «нейтрально» посредством дефиниции, примера и пр. В таком случае коммуникация довольно успешна.

2. Авторы, не владеющие механизмом передачи лингвокультурного субстрата родной культуры, при общении с инолингвокультурной аудиторией, которая знает английский язык.

В данном случае аудитория воспринимает лингвокультурный субстрат англоговорящего мира через призму родного языка, что приводит к коммуникативному сбою, большим сложностям в общении или нелепыми ситуациями.

Выводы

Анализ разнообразного эмпирического материала позволяет сделать следующие выводы. Тип текста определяется по степени адекватности передачи ИЛКС, что обусловлено уровнем билингвизма автора и целевой аудиторией.

Эффективное межкультурное моноязычное общение обеспечивается текстами, авторы которых характеризуются активным и сбалансированным билингвизмом и интерлингвокультурной картиной мира, позволяющей сопоставить образы иноязычной и родной лингвокультур и выбрать необходимые для адекватного межкультурного общения номинации. Писатели владеют механизмом кодового переключения, а сформированный навык «внутреннего перевода» способствует реализации номинативной и семантической точности.

В недостаточной степени передаются ИЛКС в текстах, авторы которых не обладают сбалансированным билингвизмом; при этом родной язык и языковая картина мира родной лингвокультуры доминируют; не в полной мере сформирована интерлингвокультурная картина мира. Соответственно

авторы не всегда могут предвидеть возможный коммуникативный сбой при использовании ряда инолингвокультурных номинаций и ограничены в выборе средств семантизации; они редко используют авторские ксенонимические номинации, но вводят аналоги. Калькированные ксенонимы, как правило, не маркированы графически (кавычками или курсивом), что обуславливает неоднозначность или семантическую аберрацию и снижает эффективность общения.

В статье проанализированы словесные произведения далеко не всех жанров, функционирующих в межкультурном общении, что требует дальнейшего исследования эмпирического материала.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Верещагин Н. М.* Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного / Н. М. Верещагин. – 4-е изд. – М. : Русский язык, 1990.
2. *Щерба Л. В.* Преподавание иностранных языков в средней школе : общие вопросы методики / Л. В. Щерба. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Академия, 2002. – 148 с.
3. *Халева И. И.* Основы теории обучения пониманию иноязычной речи / И. И. Халева. – М. : Высшая школа, 1989.
4. *Кожемякина В. А.* [и др.] Словарь социолингвистических терминов / В. А. Кожемякина. – М. : Институт языкознания РАН, 2006.
5. *Кабакчи В. В.* Неисследованный вид переводческой деятельности : «внутренний перевод» / В. В. Кабакчи // *Studia Linguistica IX*. Когнит.-прагмат. и худ. функции языка. – СПб. : Тригон, 2000. – С. 65–75.
6. *Юзефович Н. Г.* Внутренний перевод, билингвизм и межкультурная коммуникация / Н. Г. Юзефович // Университ. переводоведение : материалы VI Междунар. науч. конф. по переводоведению «Федоровские чтения» 21–23 октября 2004 г. – СПб. : СПбГУ, 2005. – Вып. 6. – С. 500–508.
7. *Умерова М. В.* Непереводаемые тексты на языке принимающей культуры в сравнении с переводами / М. В. Умерова // Перевод : взаимосвязь и взаимовлияние теории и практики : сб. статей. – М. : ВЦП, 2004. – С. 22–29.
8. *Выготский Л. С.* Мышление и речь / Л. С. Выготский. – М. : Лабиринт, 2005.
9. *Прохоров Ю. Е.* Действительность. Текст. Дискурс / Ю. Е. Прохоров. – 2-е изд., испр. – М. : Флинта : Наука, 2006.
10. *Пшеницын С. Л.* Интерпретация переводного текста в свете теории интертекстуальности / С. Л. Пшеницын // *Studia Linguistica XVII*. Язык и текст в пробл. поле гуманит. наук : сборник. – СПб. : Политехника-сервис, 2008. – С. 179–187.
11. *Палагина О. И.* Категории текста / О. И. Палагина // Перевод : взаимосвязь и взаимовлияние теор. и практ. : сб. статей. – М. : ВЦП, 2004. – С. 39–43.
12. *Бахтин М. М.* Эстетика словесного творчества / М. М. Бахтин. – М. : Искусство, 1986.
13. *Райс К.* Классификация текстов и методы перевода / К. Райс // *Вопр. теор. перев. в заруб. лингвистике*. – М. : Международные отношения, 1978. – С. 202–228.
14. *Фикс У.* Проявляется ли культурная специфика в типах текста? / У. Фикс // *Вестн. ВГУ. Сер. : Лингвистика и межкультурная коммуникация*. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 2001. – № 2. – С. 100–107.
15. *Виноградов В. С.* Введение в переводоведение : общие и лексические вопросы / В. С. Виноградов. – 2-е изд., перераб. – М. : КДУ, 2004.
16. *Алексеева И. С.* Текст и перевод. Вопросы теории / И. С. Алексеева. – М. : Междунар. отношения, 2008.
17. *Кабакчи В. В.* Основы англоязычной межкультурной коммуникации / В. В. Кабакчи. – СПб. : РГПУ им. А. И. Герцена, 1998.
18. *Кабакчи В. В.* Инолингвокультурный субстрат в межкультурной коммуникации / В. В. Кабакчи, Н. Г. Юзефович // *Вопросы когнитивной лингвистики*. – 2007. – № 3. – С. 95–101.
19. *Залевская А. А.* Текст и его понимание / А. А. Залевская // *Психолингв. исслед. Слово. Текст : избр. труды*. – М. : Гнозис, 2005. – С. 335–472.
20. *Юзефович Н. Г.* Русскоязычная политическая лексика советского периода в английском языке : монография / Н. Г. Юзефович. – Хабаровск : Изд-во ДВГТУ, 2006.
21. *Figes O.* *Natasha's Dance. A Cultural History of Russia* / O. Figes. – London : Penguin Books, 2005.
22. *Bartley D. E.* *Soviet Approaches to Bilingual Education* / D. E. Bartley. – Philadelphia, PA : The Center for Curriculum Development, 1971.
23. *Rand A.* *We the Living* / A. Rand. – N.Y. : A Signet Book, 1995.
24. *Manicka R.* *The Japanese Lover* / R. Manicka. – London : Hodder, 2010.
25. *Longman Dictionary of Language and Culture*. – Longman, 1998.
26. *Matthews P. H.* *The Concise Oxford Dictionary of Linguistics* / P. H. Matthews. – Oxford : Oxford University Press, 1997.

Дальневосточный государственный гуманитарный университет (г. Хабаровск)

Юзефович Н. Г., кандидат филологических наук,
доцент кафедры английской филологии
E-mail: nataliayuzefovich@rambler.ru
Тел.: (4212) 31-56-70

Far Eastern State University for the Humanities
(Khabarovsk)

Juzefovich N. G., Candidate of Philology, Associate
Professor of the English Philology Department
E-mail: nataliayuzefovich@rambler.ru
Tel.: (4212) 31-56-70